

В. И. МЕТЛОВ

ПОСТМОДЕРНИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ФИЛОСОФИИ

**Обзор французского журнала «Pretentaine»,
1996. n° 5, mai. 260 p.**

В наше мало чему удивляющееся время отношение к тому, что обозначается как постмодернизм, заслуживает тем не менее удивления. Удивиться, нам представляется, следует тому ходу, который принимает исследование феномена, а именно, сначала дается слово, долженствующее служить обозначением определенного этапа общественного развития, а затем начинают искать, что же это слово могло бы обозначать, да и существует ли вообще что-либо такое, что может быть обозначено этим словом. Нечто подобное имеет место в случае с русской идеей, которую, кстати сказать, уже рассматривают в постмодернистской перспективе: вынь да положь русскую идею, а вопрос состоит как раз в том, чтобы определить, возможна ли она в качестве объединяющей всю нацию духовной скрепы. Точно так же и в отношении постмодернизма встает вопрос, существует ли он как нечто отличное от модернизма или же это собственное продолжение последнего. Словом, а есть ли мальчик-то?

Странность эта, впрочем, совершенно относительная: если у представителей постмодернизма и нет желания погружаться в изучение окружающей нас реальности, то они во всяком случае стараются создать ту реальность, которую они хотели бы обозначать постмодернизмом, а таким образом они вполне определенно становятся на сторону вполне определенных общественных сил, представляют вполне определенную общественную силу. Теоретический каркас для восприятия реальности формируется в постмодернизме как реакция на противоречия, в которых запуталась, с его точки зрения, идеология модернизма. То есть собственно анализу реальности предшествует выработка концеп-

туального аппарата, в рамках которого уже и рассматривается реальность.

Отмеченный характер демарша в изучении постмодернизма, и как социального феномена, и как феномена духовной жизни в особенности, имеет следствием отрицательное, а иногда просто снисходительное отношение к тому, что составляет совокупность теоретических средств, накопленных человечеством, прежде всего в области философии.

Рассматриваемый номер журнала «Прэтантэн», посвященный теме «Философия и постмодернизм» (*Philosophic et Postmodemite, Pretontaine*, n 5, mai 1996), к нашему большому удовлетворению, идет радикально иным путем.

Нам представляется иногда возможным озаглавить материалы, представленные в рецензируемом номере журнала, «Человечество в опасности», настолько тревожен, а нередко, к сожалению, и безнадежен тон высказавшихся по поводу постмодернизма как эпохи в развитии человечества и по поводу того, что может быть названо идеологией постмодернизма. Читатель легко примет это наше утверждение, особенно если вспомнит, что одним из авторов, которым посвящен этот номер, является покончивший жизнь самоубийством Жиль Делез.

В этом номере журнала «Прэтантэн» представлены статьи специалистов во многих отраслях общественнознания на темы, связанные с анализом постмодерна в его различных формах, начиная с философии и заканчивая экономикой и всем многообразием социальных проблем.

Что такое постмодернизм? Авторы названного номера предполагают это понятие ясным для своего читателя, мы не беремся определить в полной мере, отметим лишь в настоящий момент, что в ряду других «пост» он представляет, как кажется, несколько более общую по трудности проблему по сравнению с другими «пост» (постпозитивизм, постнеклассическая наука и т. п.). Во всяком случае, характеристики такого рода, основанные существенно на хронологии, мало что дают для понимания феномена, но, что гораздо неприятнее, задают иногда ложное направление его исследования, располагая феномен значительной сложности, так сказать, в одномерном пространстве.

Отметим, однако, то обстоятельство, что, например, так на-

зывается неклассическая и постнеклассическая наука обратилась не больше и не меньше, как к Канту, философу, который, казалось бы, всем своим творчеством говорил о чем-то противоположном веяниям, реализовавшимся вскоре в виде ньютоновских, неаристотелевских и неэвклидовских построений.

В этом смысле в том, что мы сейчас называем постмодернизмом, по крайней мере, в той его части, которая непосредственно затрагивает философию, не можем не заметить черт, которые возникли в интеллектуальном движении, например, в качестве реакции на немецкую классическую философию, а может быть, лучше сказать, на французское и английское Просвещение, ибо немецкая классическая философия в лице Гегеля, нам представляется, предложила метод, развивая который, пользуясь которым, можно было довольно успешно справиться с затруднениями, выявленными романтизмом и немецким, и французским в ходе критики этими последними ограниченности просвещенческой идеологии. Кстати сказать, «языковление» философии, с которым мы имеем дело как у Хайдеггера, так и у Витгенштейна, представляет собой в определенной мере воспроизведение романтического отношения к языку и, конечно, в первую очередь к языку поэтическому, включая в последний и фольклор.

Конечно, этого рода решения не могли быть приняты, например, Ф. Шатобрианом или С. Кьеркегором, но это уже вопрос, решение которого в большей степени характеризует их социальную позицию, а не возможности гегелевского диалектического метода и его последующего развития.

В том, что квалифицируется в качестве идеологии постмодернизма, нельзя не усмотреть ту же торопливость обобщений, ту слишком непосредственную реакцию на вновь возникающие в общественной жизни реалии, тот плоский эмпиризм, которые мы видели и в случае обобщений, касающихся науки. Гораздо более оправданным представляются движение от изучения элементов реальности и последующая теорегизация, обобщение результатов исследования этой реальности.

Нам приходилось уже писать о том, что современная наука находится на кантовском уровне освоения своего материала, что она, как правило, столкнувшись с антиномиями кантовского типа, начинает двигаться в сторону Гегеля. В этом движении по-

терявшая свой предмет наука – антиномии ведь и представляют собой свидетельство этой утраты, что тождественно тому, что называют кризисом науки, – обретает свой предмет, принимающий теперь форму диалектически противоречивого образования. Кризис этот охватил не только привычные для нас темы физики, математики, давно ставшие хрестоматийными, но и биологию, историю, экономическую науку, причем в каждом из последних случаев речь идет об ясно выраженной утрате предмета. Становление эволюционной экономики особенно четко выявило этот характер новой экономической дисциплины: об эволюции в этой области говорят без сколько-нибудь ясного представления о том, что же именно эволюционирует.

Полезно обратить внимание на то, что самим кризисом все названные дисциплины обязаны необычной, по сравнению с предшествующим этапом развития, ролью субъекта в процессе освоения действительности. Прежняя объективистская наука сменяется в целом наукой нового типа, в которой субъект, субъектный фактор оказывается непренебрежимым элементом изучаемой предметной реальности. Речь, таким образом, идет об изменении характера отношения «субъект–объект» в процессе познания, и первой задачей оказывается изучение этого отношения и его последующей эволюции. Но не является ли ситуация, которую мы обозначаем как кризис науки, в целом лишь отражением более общих условий, которые сложились в общественной жизни и которые могут быть обозначены как кризис модерна? Ведь уже Ницше обращал внимание на то, что исчезновение атома современной ему физики является следствием исчезновения субъекта в общественной жизни. Нам представляется, что сходным является и то положение, которое в целом может быть квалифицировано как состояние кризиса, антиномичности ситуации, с которой мы имеем дело в том, что называется модерном.

За общей констатацией постмодернистами кризиса модернизма – капитализм не тот, а следовательно, анализ его, данный Марксом, уже не годится, социально-политическая ситуация не та, классовые антагонизмы исчезли, конфликты перестали носить антагонистический характер, история прекратилась, субъект исчез, а вместе с его исчезновением завершилась и история,

наступил ее конец и эра последнего человека, – отчетливо усматривается совершенно естественное в этом случае стремление отбросить как негодный тот теоретический багаж, который был унаследован от предшествующей эпохи.

Нам показалось, что материалы рассматриваемого номера журнала позволяют говорить, что их авторы в целом делают существенный шаг вперед в изучении постмодернизма, пытаются идти от феноменов общественной жизни в самом широком смысле этого слова к теоретическим обобщениям, а не подбирая к придуманному для обозначения определенного периода слова, тот или иной фактический материал.

В существенной мере названный номер журнала оказывается данью памяти двум недавно ушедшим из жизни французским философам – Жильо Делезу (1925–1996) и Эммануэлю Ливинасу (1905–1996), которые по всем пунктам своих философских программ и жизненной позиции оказывались практически всегда противостоящими постмодернизму во всех ипостасях последнего, хотя, что касается Делеза, дело выглядит менее ясным: некоторые авторы постмодернистской ориентации хотели бы видеть его в своих рядах.

Номер открывается статьей Жан-Мари Брома, профессора социологии в университете Монпелье III, «Понятие как стиль», посвященной именно суммарному анализу творчества названных двух философов. «Жиль Делез и Эммануэль Левинас, – пишет автор, – составили эпоху своим *стилем*», а дальше приводит в высшей степени характерную цитату из работы Делеза «О философии», где тот пишет: «Великие философы оказываются вместе с тем и великими стилистами. Стиль в философии – это движение понятия». Профессор Бром считает приведенные соображения превосходной характеристикой творчества обоих анализируемых им авторов, которые, по его мнению, не переставая изобретали понятия, углублялись в них, до бесконечности варьировали их в неустанной конфронтации с миром, политикой, историей, искусством, науками, литературой, историей философии.

Надо обратить внимание на сам факт обращения авторов и составителей рассматриваемого сборника к фигурам такого типа, как Ж. Делез и Э. Левинас. Обращение философа к поня-

тию неизбежно оказывается связанным с тем или иным образом признанной диалектикой, хотя сознательно выраженное отношение к диалектике может быть весьма отличным от присутствующего имплицитно. Не случайно одна из основных работ Делеза носит название «Различие и повторение» (*Différence et Répétition*), а один из самых репрезентативных сборников работ Эммануэля Левинаса называется «Различие и трансценденция» (*Altérité et transcendance*). Критика модернизма постмодернистами начинается часто с критики отношения субъект – объект и, как следствие, завершается отрицанием диалектики.

Оба автора, как видим, фактически придают чрезвычайно большое значение понятию различия и варьируют свое понимание этой категории на основе материала личностно-социального плана, приходя на этом пути иногда к интригующим, чтобы не сказать большего, выводам.

Критика идеологии постмодернизма оказывается в значительной мере критикой концепции конца истории, представленной в последнее время прежде всего статьей Ф. Фукуямы. Но критика названной концепции непосредственно переходит в критику теории экономического либерализма, чему собственно посвящен целый раздел анализируемого номера журнала, под общим названием «Критика либерализма», в критику индивидуализма, и как завершение раздела в критику сложившегося в науках о человеке разделения труда и в связи с этим рассмотрение общей позиции французского социолога Бурдье, который, по мнению автора завершающей статьи раздела, осуществляет именно необходимое преодоление границ, воздвигнутых между политической экономией, социологией, философией и т. д., представляющих собой искусственное разделение дисциплин, призванных служить постижению человеческого.

И. Г. Гаманн однажды заметил, что две самые банальные вещи, а именно деньги и язык, представляют наибольшие трудности для понимания. Мне кажется, сегодня он мог бы говорить о более определенных отношениях между названными феноменами. Одно обстоятельство, позволяющее по-прежнему говорить об их связи, стало ясным в двадцатом столетии: глобализация финансовых отношений оказывается отраженной на теоретическом уровне: символизация общественных отношений, с которой

мы имеем дело в процессе редукции богатства общественных связей, в первую очередь, отношений производственных, к денежным отношениям, идет рука об руку с процессом «языковлечения» философии, с процессом вытеснения вещного мира из поля зрения философа, к замене этого мира текстом, языковыми категориями.

Необходимость такого рода связи оказывается достаточно ясно показанной и на примере рассматриваемого номера журнала: читатель, исходя из работ Делеза и Левинаса, в состоянии отчетливо увидеть ту связь, которая существует между достаточно абстрактными категориями теоретической философии и анализом, например, личности в окружающем ее мире, личности в обществе, личности в ее отношении к ее собственному другому. Важность концептуального философского анализа, который именно в силу своей концептуальности оказывается органически связанным с критическим отношением, в данном случае с критическим отношением к сформировавшемуся тоталитаризму, тоталитаризму рынка, экономическому тоталитаризму, совершенно очевидна в настоящее время.

Анализируемая работа французских философов, социологов, экономистов, политологов представляется очень цельным, достаточно последовательным рассмотрением обозначенной ими проблематики: от выяснения общего положения вещей в философии, теоретических средств этой последней, к анализу постмодернизма в целом, далее к анализу экономического содержания постмодернизма и наконец к тому, что Карл Ясперс мог бы обозначить как осознание каждодневного поведения, в этом последнем случае речь идет фактически о том образе, или лучше сказать, тех образах, которые культивируются постмодернистской идеологией, той идеологии, которая создается постмодернизмом для широкого потребления, а также, естественно, о том, что противостоит, точнее, может противостоять этой идеологии.

Очень многое говорят о характере названного номера журнала «Прэтантэн» включенные в него статьи Делеза, Левинаса и в особенности давно ушедшего из жизни Поля Низана (Paul Nizan) (1905–1940), одноклассника Р. Арона и Ж.-П. Сартра в Высшей Нормальной Школе в 1924–1925 гг. под названием «Замечания-Программа по философии». Очень характерно, что в

своей оценке постмодернизма авторы приходят к творчеству Поля Низана, интеллектуала-коммуниста, автора знаменитого памфлета «Цепные псы», посвященного критике тогдашней официальной философии, связывая тем самым анти модернистские тенденции наших дней с марксистской, по существу, критикой официальной философии первой половины XX столетия, показывая, с одной стороны, что постмодернизм в настоящее время оказывается вне зависимости от личных пристрастий того или иного отдельного представителя постмодернистского стиля теоретизирования, философией угнетающего класса, философией, которая своим антирационализмом, проповедью безудержного индивидуализма, выступающего в виде критики тоталитаризма, отрицанием классического философствования с его субъектно-объектным подходом и диалектикой, объективно не может не быть препятствием на пути понимания современного этапа общественного развития.

Особенно хороши и характерны в этом отношении страницы, посвященные критике концепции конца истории, представленной в последние годы печально знаменитой статьей, а затем и книгой Ф. Фукуямы, в сущности имеющей целью, как справедливо пишет один из авторов, спасти репутацию американского империализма.

Первый раздел, носящий название «Философские парадигмы», представляет собой прежде всего содержание двух статей Ж. Делеза и двух статей Э. Левинаса, которые сопровождаются введением и комментариями соответственно профессоров М. Брома и Р. Айа.

Статьи Делеза называются «Условия вопроса: что такое философия?» и «Четыре замечания относительно психоанализа». Первая из этих статей Делеза – панегирик философии как сферы деятельности, органически связанной с созданием понятий. Это последнее, как уже сказано было выше, представляет собой именно занятие, которое единственно и может быть названо занятием философией.

Нам представляется, что понятию придается здесь тот высокий смысл, который связан был с этим термином у Гегеля, хотя практически общепринятой является квалификация Делеза как антидиалектика. Естественным образом, области теоретической

деятельности, где нет деятельности по созданию понятий, – это области науки, искусства. Нам хотелось бы отметить в связи со сказанным, что проведение границы таким образом между наукой и искусством, с одной стороны, и философией – с другой неизбежно связано с запретом науке и искусству вступать в область философского. Но помимо того, что мы сейчас превосходно знаем, как трудно определение, что такое наука, научное познание, помимо того, что мы сейчас хорошо знаем, что философское нередко оказывается органически включенным в то, что до недавнего времени входило исключительно в компетенцию науки, помимо всего этого, следует указать на трудность формального свойства: конвенциональность определения того, что такое наука, что такое философия.

Социальная размерность анализа философского творчества, создания понятия присутствует и в статье Делеза «Четыре пропозиции относительно психоанализа». Как и в первом случае, статье Делеза предпослан в качестве введения текст «Психоанализ и политика» проф. Ж.-М. Брома. Указывая исторические рамки фундаментального текста Делеза, проф. Бром отмечает, что взрыв революционной субъективности (имеется в виду 1968 и последующие за ним годы) в движениях, направленных против существующих институтов, в том числе и против психиатрических служб как служб социального контроля, привел к постановке вопроса об отношениях желания (*desir*) и политики. Точно так же оказались поставленными вопросы, которые можно сформулировать как вопросы о желании политики и политике желания. «Речь заходила, – пишет Бром, – очевидно, о фундаментальной переоценке либидинальной экономии в социальном поле...» С этой позиции оказывались пересмотренными и традиционные формы социальной организации.

Завершая статью, Делез дает объяснение, почему им не принимается фрейдомарксистская перспектива. Во-первых, потому что в этом случае работа начинается с перечитывания священных текстов Маркса и Фрейда. Надо же начинать с реальных ситуаций: положение с бюрократическим аппаратом в психоанализе, в коммунистической партии, с попыток изменить такого рода аппараты.

Другой резон для того, чтобы отказаться от фрейдомарксист-

ма, состоит в следующем: фрейдомарксисты полагают нужным примирить две экономии – экономию политическую и экономию либидинальную. Наша точка зрения, замечает Делез, состоит, напротив, в том, что есть одна-единственная экономия и что проблема настоящего анти-психоаналитического анализа состоит в том, чтобы показать, каким образом бессознательное желание наделяет сексуально формы этой единственной экономии.

Статьям Левинаса, которыми вместе со статьями Делеза в известной мере задается парадигма обсуждения проблематики постмодернизма, предпосланы два материала, которые можно рассматривать как объяснение интереса к этому философу, начавшему свой творческий путь еще в 30-е гг. публикацией книги о феноменологии Гуссерля: Пьер Айа, автор предисловия к изданию работ Левинаса в издательстве «Fata Morgana», пишет на тему «Левинас, мораль и философия»; Брюно Рой, социолог и директор издательства «Fata Morgana», в беседе с некоторыми из авторов статей в обсуждаемом номере журнале «Прэтантэн» объясняет издательский интерес к Левинасу, историю открытия этого автора издательством.

Небольшой текст Э. Левинаса «Тотальность и тотализация» показывает отношение автора к одному из самых важных понятий западной, да и не только западной метафизики. Думается, что он не содержит философских открытий, если не относить к ним предположение пути, на котором можно выйти за пределы тотальности. Это путь, на который становится, например, А. Бергсон, вообще вся философская традиция, которая, не принимая диалектики, пытается выйти из тупика предшествующей метафизики.

Нельзя не обратить внимание на опыт построения такой метафизики, которая обосновывала бы возможность осуществления нравственных идеалов человечества. Как и Делез, Левинас оказывается антисистемным мыслителем. Конечно, названным материалом не исчерпывается концептуальный аппарат философа. Нельзя, разумеется, пройти мимо того факта, что одним из центральных понятий философии Левинаса, как, впрочем, и Делеза, является понятие различия, которое, несмотря на существующие между обоими мыслителями различия в понимании этой категории, имеет у них непосредственно социальное значе-

ние, служа задачам положения личности в обществе, социальных отношений. Понятие небезразличия (non-indifference) служит Левинасу для характеристики отношений межчеловеческого уровня, отношений ответственности одного перед другими.

Интерес к Левинасу, таким образом, не в последнюю очередь объясняется его широким подходом к проблеме бытия, которое наделяется им нравственным параметром, представляя тем самым, по крайней мере, по мнению ряда авторов, шаг вперед по отношению к пониманию бытия, например, в феноменологии Хайдеггера. Конечно, интерес к проблемам морали, нравственности, получающий в творчестве Левинаса онтологическое основание, не может не заставить обратиться к рассмотрению важных теоретических и практических проблем. Заметим, что для Левинаса, испытавшего сильнейшее влияние гуссерлевской феноменологии, практические задачи оказываются тем не менее едва ли не на первом плане. Будем помнить, однако, что исключительный интерес к морали возникает в самые политически беспросветные времена.

Раздел «Постмодерн под вопросом» содержит в качестве, быть может, самого примечательного материала уже упомянутую выше работу П. Низана, предваряемую объясняющими замечаниями проф. Брома. (Статья Низана появилась в журнале «Бифюр» 7 декабря, 1930.) «Текст Поля Низана, который мы публикуем здесь как исторический документ, – пишет проф. Бром. – представляет род философского документа в пользу интеллектуальной ангажированности на службу эксплуатируемым, угнетенным, униженным... Эти Замечания-Программа по философии в значительной мере предваряют глубокое развитие, которое находят в главном труде Низана, *«Ценные псы»*, жестокий памфлет – очень значительной актуальности – против государственных философов, функционеров мышления и иных администраторов, готовых мыслить» (с. 85).

Замечания-программа, естественно, обращается к молодым людям, вступающим на путь философии. «Молодежь, вступающая на путь философии, до каких пор она будет довольствоваться тем, чтобы работать против людей? И еще: что будут они понимать под философской лексикой, словом философия? Наполнят ли они старые мехи тем же вином, что и их учителя, или ви-

ном новым?» (с. 89). Журналистский стиль отнюдь не оказался помехой для Низана поставить ряд чрезвычайно важных и острых вопросов, которые (нельзя не согласиться в этом с проф. Бромом) очень актуальны в наше время: вопрос о предмете философии, о ее отношении к собственно человеческим нуждам, об отсутствии единой философии, об острейших столкновениях в области философии, о той основной линии, которая служит водоразделом между различными философиями.

Существуют угнетатели и угнетенные, говорит Низан, люди, которые пользуются угнетением, и люди, которые несчастны по этой причине. Когда дело обстоит таким образом в мире, тогда философия содержит разделение. «Я говорю просто, – пишет он, – что существует философия угнетателей и философия угнетенных. Не находясь между собой ни в каких реальных отношениях, обе тем не менее называются Философией. ...Никогда не было безразличной Философии. Философы являются людьми, которые более пристрастны, чем обычные люди. Никогда не существовало больше, чем две возможные партии: партия угнетателей и партия угнетенных» (с. 91). Лицемерием или трудно отделимой от идеологической работы иллюзией является точка зрения, согласно которой Философия не имеет партий.

«Время разрушения вернулось. Все эти Бауэры, Шелиги, Дюринги вновь обрели их статус, уверенность. Пусть их философия получит удар дубиной со стороны Революции» (с. 95).

Можно, разумеется, анализируя текст П. Низана, найти здесь элементы различных философских, социологических подходов. Одно представляется здесь совершенно ясно выраженным: это отчетливое понимание условий возникновения и существования философии, ее ангажированность, связь с интересами определенных социальных групп, классов, понимание того, что за абстрактными философскими понятиями стоит судьба, история целых общественных слоев, личности. Это обращение к вступающей в философию в 30-е гг. молодежи вполне может быть адресовано в настоящее время к современным философам любой страны. Болезнь интеллигентного сервиллизма поразила огромную часть интеллектуалов в мире в целом и в нашей стране в особенности. Конечно, речь идет не о том, что, публикуя сообщение об этом тексте, можно рассчитывать на исправление этой

части интеллигенции, но дать ей понять, что такое та позиция, которую она занимает в этом мире, – сама по себе в высшей степени важная задача.

За текстом Низана следует выдержанное в более или менее академических тонах в высшей степени интересное интервью с философом университета Париж-1 Андре Конт-Спонвилем под общим названием «Философская традиция». В эпоху переоценки ценностей процесс, особенно остро ощущаемый в рамках бывшего Советского Союза, особенно интересными представляются соображения, касающиеся традиционных нравственных ценностей – пункт, в котором в настоящее время обозначается противопоставление постмодернизму и одному из тех, кто заложил один из первых камней в эту постройку, Ф. Ницше.

Первым вопросом, поставленным интервьюером перед Конт-Спонвилем, как раз и оказался вопрос «Какая внутренняя необходимость понуждает нас сегодня быть добродетельными?» Отвечая на него, интервьюируемый сказал, что речь должна идти не о необходимости, но о выборе, и в своей маленькой книжке, посвященной большим добродетелям, говорил по существу о добродетелях классических, под которыми могли бы подписаться Греки, Будда, Кант, Паскаль, Спиноза... «Честный человек сегодня уважает те же самые ценности, что и честный человек в эпоху Спинозы или Монтеня, значит, это не столь уж старо. Монтень говорил, что он имеет те же моральные ценности, что и Сократ, а Спиноза, что у него те же моральные ценности, что имел Иисус Христос» (с. 97). Интересно объяснение, которое автор дает относительно невключения в список названных им добродетелей такой добродетели, как солидарность. Солидарность, объясняет Конт-Спонвиль, в сущности, не отличается от щедрости в той мере, в которой имеет место общность интересов. Солидарность представляет собой большую политическую ценность, существенное требование республики (которое отличает ее от демократии: республика представляет собой солидарную демократию). Солидарность связана с политикой, а не с моралью.

А. Конт-Спонвиль рассматривает также проблему в связи с поставленным ему вопросом отношения морали и политики. Он указывает на две крайности, которые возникали в понимании

этого отношения на протяжении последних 20 с небольшим лет: в 1968 году полагали, что хорошая политика представляет собой необходимую мораль; сейчас, в эпоху, когда молодежь практически перестала интересоваться политикой, хорошая мораль представляется вполне удовлетворительной политикой. Два поколения, две ошибки, замечает Конт-Спонвиль.

Мы бы позволили сказать со своей стороны, что концепция форм общественного сознания, определяемых в своем возникновении и существовании общественным бытием, в состоянии дать объяснение отличий, существующих между названными областями, указать границы между ними, собственную сферу значимости каждой из названных сфер. Нам представляется также, что соображения, высказанные интервьюируемым автором, в сущности, лежат именно в плоскости, близкой, осмелимся сказать, историческому материализму. Особенно интересно рассмотрение конкретных случаев действия одностороннего подхода в современной социополитической реальности, например, феномена, основанного исключительно на соображениях нравственного плана, а именно различных форм гуманитарной помощи. «Гуманитарная помощь не заменяет ни политики, ни морали, ибо она занимается жертвами. Как это объясняет Рони Брауман в очень хорошей книге *«Перед лицом зла. Руанда»*, гуманитарная помощь борется с несчастьем. Но забывается, что следует бороться и со злом...

Помогая всем жертвам, гуманитарная помощь запрещает себе вести политическую борьбу. ...Я не упрекаю ни в чем представителя гуманитарной помощи, поскольку он отдает себе отчет относительно пределов своих возможностей. Верно, что следует помогать всем жертвам. Но борьба против несчастья не заменяет борьбы со злом, гуманитарное не заменяет моральное: борьба с несчастьем не освобождает от необходимости выбрать свой лагерь и воспрепятствовать худшему; вот почему гуманитарное не может заменить и политики» (с. 99).

Ясность в постановке и решении вопроса о соотношении морального, политического, гуманитарного, которую мы видим в данном случае, очень может способствовать правильной поста-

новке и решению вопросов, возникающих иногда и в нашей стране, скажем, в связи с увековечиванием памяти погибших на нашей земле иностранных завоевателей.

Объясняясь по поводу отношения к Ницше, Конт-Спонвиль говорит: «...три вещи помешали мне быть ницшеанцем: 1) аморализм. Стремление опрокинуть все ценности, жить по ту сторону добра и зла; 2) софистика. Стремление не только мыслить по ту сторону добра и зла, что еще можно было бы защищать, но и по ту сторону истинного и ложного; 3) эстетизм. Как только хотят жить по ту сторону добра и зла (аморализм), по ту сторону истинного и ложного (софистика), и как только хотят избежать нигилизма, остается единственно прицепиться к прекрасному, говоря более точно, к искусству. Это то, что я называю эстетизмом: это стремление «делать из своей жизни произведение искусства» (с. 104).

Ницше и Хайдеггер оказываются неизменно присутствующими в современной французской философии, в особенности в творчестве авторов, называющихся постмодернистами.

Текст под названием «Постмодернизм» представляет интервью с профессором факультета гуманитарных и социальных наук в Политехнической школе Парижа проф. Финкелькраутом. «Опыт проходящего столетия обнаружил латентное противоречие между достоинством человека и прогрессом», – говорит А. Финкелькраут. И продолжает: «Постмодерн – это переход от мира, в котором индивид рассматривал себя как наследник и ответственный за историю к планетаризованному миру, где индивид стремится быть чем-то вроде клиента всех историй. Все мы клиенты, и мир предстает как серия предметов потребления» (с. 136).

Читатель заметит, во-первых, как часто соотносятся идеология постмодернизма и идеология вообще с экономической реальностью. Во-вторых, следует иметь в виду, что находящиеся, по-видимому, по разные стороны философской палитры такие авторы, как Бодрийар и Финкелькраут, оказываются единодушными в том, что наступившая эпоха представляет собой эпоху исчезновения индивидуальности. Обращаясь к идеям А. Токви-

ля, Финкелькраут замечает, что Токвиль видел в том, что мы называем индивидуализмом, риск исчезновения индивидуальности. Отметим этот диалектический пассаж у наших французских коллег: господство индивидуализма – заметьте, читатель, индивидуализма, а не коллективизма – ведет к утрате индивидуальности.

Интересна статья Магали Уль «Исследователь и его двойники. Сексуальные фантазмы и ситуации в исследованиях». Но, признаемся, что она выходит за пределы нашего собственного теоретического опыта. Автором затронута весьма интересная тема обусловленности выбора объекта исследования, исследовательской практики вообще бессознательными фантазмами. Привлекательно обращение к диалектике того же самого и другого, тождества и различия. Очень важным представляется понимание того обстоятельства, что диалектика оказывается органически связанной с отношением «субъект–объект» и что в этом случае в отношении наук о человеке, в какой бы форме они ни были представлены, нет возможности говорить о научном объективизме, о невовлеченном в саму характеристику объекта исследователе, о влиянии исследуемого объекта на исследователя.

В разделе «Критика либерализма» обсуждается экономический коррелят, а может быть, следует лучше сказать – экономический базис постмодернистской идеологии. Заметим, что если и не ставить под сомнение существование в реальном мире самого феномена постмодернизма, то во всяком случае подлежит критическому рассмотрению то идеологическое содержание, которое считается коррелирующим с этой реальностью.

Первый из представленных в этом разделе материалов носит название «Неприемлемый социальный горизонт мондиализированного экономизма» и принадлежит профессору социологии из центра исследований постмодернизма университета Квебека в Монреале Мишелю Фрайтагу.

Мондиализированная экономика, управляемая логикой хрестоматистики (у греков этим словом обозначалось презираемое ими искусство делать деньги) и доминируемая финансовыми организациями и финансовыми интересами, приняла в самой форме

своего децентрализованного, систематического, чисто операционного характера, ценность, значение новой империальности, нового империализма, нового тоталитаризма. Автор подчеркивает необходимость подчинения собственно экономической логики логике социальной, задачам развития общества, личности. Это, конечно, весьма важное соображение. Вопрос, однако, состоит в том, сможет ли общество навязать свои императивы экономической реальности, не должна ли быть в первую очередь изменена сама эта экономическая реальность?

В интереснейшей статье «Либеральный идеал – тип и индивидуалистическая легитимация» экономист из университета Париж-1 Матье Дуэрен анализирует то, что он называет капитализмом утопическим и капитализмом научным, показывая последствия опытов реализации проектов мальчиков из Чикаго по преодолению кризиса капиталистической системы. Методологический индивидуализм, который используется в качестве теоретической основы попыток мондиализации экономики свободного рынка, автором критикуется с позиции, о которой дает представление следующая выдержка из его статьи: «Общественное бытие детерминирует общественное сознание согласно знаменитой марксистской формуле, и именно объективные общественные отношения, социальные структуры составляют генерирующую матрицу мнений, концептуализаций, представлений, идей, ощущений индивидов. Этот тезис, как известно, является фундаментальным тезисом любой холистской социологии, от Маркса до Бурдьё проходя через Дюркгейма, Гурвича, Лукача или Гольдманна» (с. 179).

Автор внимательно рассматривает историю понятий индивидуализма, либерализма, утилитаризма с целью установления их взаимных связей, начиная с конца XVII и XVIII столетий. «Как бы ни обстояло дело в будущем с возникновением новых интеллектуальных парадигм истории, экономики и общества, сегодня хорошо отдают себе отчет в теоретических и политических ставках любой критической перспективы, которая отрешивается от господствующей либеральной и индивидуалистской ортодоксии. Гомогенизация социоэкономической мысли, при которой мы присутствуем в данный момент, вместе с догматической кристаллизацией теории от этого становится лишь более драматич-

ной» (с. 186).

В этом же разделе содержится весьма примечательный материал, посвященный известным положениям статьи, а затем и книги Ф. Фукуямы под названием «Последнее слово истории, или Евангелие согласно Святому Фукуямы».

Предваряя соображения, изложенные в данной статье, позволим себе заметить одну методологическую несообразность, с которой неизменно приходится иметь дело в случаях, подобных тем, которые стали предметом рассмотрения американского теоретика общественного развития. Рассуждения, касающиеся истории, как правило, оказываются лишены постановки и рассмотрения того, что собственно является предметом исторического движения, развития.

«Философские дебаты относительно Конца Истории, – справедливо пишет Кристиан Дюран, – не являются чем-то новым. Они составляют часть фундаментальных вопросов о судьбе человеческих сообществ. В свою очередь эти вопросы вписываются в более широкий ансамбль, обозначенный термином эсхатология, который объединяет воображаемые представления о Конце Мира» (с. 187).

Естественным в этой связи является вопрос, почему в целом достаточно банальному содержанию статьи Фукуямы было оказано такое внимание. Отвечая на этот вопрос, Дюран подчеркивает, что работы американского философа имеют приоритетной целью ответить на положения, в которых утверждается закат американского империализма. «Тезис фатального заката военных империализмов был блистательно развит британским историком Полом Кеннеди (Paul Kennedy) в его большом труде *«Рождение и закат сверхдержав»*, опубликованном в 1988 г. Труд этот имел значительный резонанс, и странно, что многословный Фукуяма никоим образом не ссылается на него в своей работе 1992 г. Но целью американского политолога является возвещение хорошей новости!

И эта хорошая новость состоит в том, что наступила мировая либеральная Революция, отмеченная тремя сериями событий:

Прежде всего крушение авторитарных тоталитаризмов, правых ли, как нацизм, или левых, как сталинизм.

Отказ от них означает окончательную победу либеральной

демократии, рассматриваемой как лучшая политическая система.

Это, наконец, триумф рыночной экономики, воплощенной в американском образе жизни».

Нетрудно обратить внимание на то обстоятельство, что автор названной статьи отмечает неоригинальный и идеологический характер работ Фукуямы. Дюран полагает, что наилучший ответ американскому политологу был дан французским философом Жаком Дерридой в книге «Спектры Маркса». Он приводит названные Дерридой Десять Язв Нового Мирового Порядка, благая весть о котором была возведена Фукуямой и с такой помпой преподнесена средствами массовой информации, энергично поддержавшими Фукуяму.

Нам кажется, знакомство с российской действительностью, с Россией, на почву которой была перенесена либеральная практика и идеология, позволило бы автору рассматриваемого материала быть еще более острым в своей критике либерализма.

В завершающей раздел «Критика либерализма» статье Патрика Вассора «Деградирующий модернизм или постмодернизм остепененных» отмечается прежде всего фактическая близость крайностей либерального модернизма и постмодернизма. Автор подчеркивает, что задуманный в качестве средства преодоления кризиса, свойственного модернизму, постмодернизм как теоретическое средство оказывается объективным союзником либерального модернизма. «Постмодернизм является идеологическим и «популистским», – пишет автор, – дополняющим современный детерминизм. Он дает надежду на пришествие эгалитарного и демократического общества, в то время как является лишь орудием будущего отчуждения знаний и политической власти, касающихся государства и подчиненного населения» (с. 202). Информатизация общества, которая была опять-таки интересующей общество прежде всего как феномен демократизации, в условиях рынка, коммерциализации знания, становится потенциальным средством эксплуатации. Заметим, что в западной прессе уже промелькнуло сообщение о том, что не все категории пользователей системой Интернет имеют одинаковый доступ к информации. Медовый месяц информатизации в этом отношении заканчивается, как и следовало ожидать, именно таким

образом.

Ярко выраженный индивидуализм, свойственный уже модернизму, усиливается в период постмодернизма, находя в искусстве и в особенности в спорте свою идеологическую поддержку.

Последний раздел журнала «Каждодневное воображаемое» посвящен рассмотрению, мы бы сказали, проблем повседневного быта человека, взятых в философском контексте. Это проблема тела, проблема сновидений, которую автор соответствующей статьи рассматривает в социокультурном контексте, а не в психоаналитическом, проблема каждодневной глупости и хитрости, спиритизма и летающих тарелок, наконец, антропологический подход к миру собак. Но причем здесь, могут сказать, философия и постмодернизм? Сознаемся, что мы тоже не без труда усматриваем здесь какую-то связь. Думается, однако, что читатель сможет, по крайней мере, оценить возможность связать названные сюжеты с современным состоянием общества, а это будет уже шаг на пути к пониманию искомой связи.

Завершая рассмотрение представленного данным номером журнала материала, естественно, хотелось бы сделать несколько замечаний, помимо тех, которые приходилось делать по ходу рассмотрения текстов.

Нам представляется, что наши французские коллеги сделали в высшей степени ценную работу, в очень сильной степени способствующую нашему пониманию современности, а также в общем контексте и того феномена, который обозначен термином постмодернизм. Думается, что в самой значительной степени они обязаны своим успехом исповедуемым методическим принципам. Разумеется, мы не стремились обнаружить общую всем авторам журнала методологическую основу и вовсе не собираемся сделать отсутствие таковой недостатком создателей анализируемого номера. Нельзя не приветствовать интерес к использованию марксовского понятийного аппарата, хотя оно, нам представляется, могло бы быть более основательным. Думается, что расхожие идеологические штампы все же сыграли здесь свою роль, оказав влияние даже на необходимо хладнокровную ученую публику. Вопрос о том, что такое практика реального социализма, который имел место в СССР, что было опровергнуто из марксистской теории вместе с опровержением общественного

строю в СССР, заслуживает тщательного анализа. Нам представляется, что наше крушение происходило в строгом соответствии с Марксовой концепцией исторического развития. И мы утверждаем это, вовсе не желая сохранить то, что не подлежит сохранению.

Нам представляется, что более определенного описания заслуживают те собственно философского плана модификации классического философствования, которые могли бы быть квалифицированы как собственно постмодернистские.

В целом же нельзя не дать самую высокую оценку предпринятому французскими коллегами труду, разумеется, не без пожелания его продолжения.